ЭРИХ

ФРОММ

Erich Fromm

Миссия Зигмунда Фрейда

Та самая объективность, которую Фрейд считал необходимой предпосылкой при анализе пациентов, незаменима при попытке создать картину того, кем он был и что им двигало.

Эрих Фромм

Миссия Зигмунда Фрейда

«Издательство АСТ»

1959

Фромм Э.

Миссия Зигмунда Фрейда / Э. Фромм — «Издательство АСТ», 1959

ISBN 978-5-17-074923-2

Эрих Фромм – крупнейший мыслитель XX века, один из великой когорты «философов от психологии» и духовный лидер Франкфуртской социологической школы.Труды Эриха Фромма актуальны всегда, ибо основной темой его исследований было раскрытие человеческой сущности как реализации продуктивного, жизнетворческого начала.

ISBN 978-5-17-074923-2

© Фромм Э., 1959
© Издательство АСТ, 1959

Содержание

I 5
II 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Эрих Фромм
Миссия Зигмунда Фрейда. Анализ его личности и влияния

I
Страсть Фрейда к истине и его мужество

Психоанализ, как любил подчеркивать сам Фрейд, был его созданием. И великие достижения, и недостатки этого учения несут отпечаток личности своего основателя. Не приходится сомневаться, что истоки психоанализа следует искать в личности Фрейда. Что он был за человек? Какие движущие силы заставляли его действовать, думать и чувствовать именно так, как он это делал? Был ли он, как утверждали его враги, венцем-декадентом, погруженным в чувственную и распущенную атмосферу, типичную, как принято думать, для Вены, или великим мастером, лишенным личных недостатков, тщеславия и себялюбия, бесстрашным и бескомпромиссным в своем поиске истины, любящим свою семью, добрым к ученикам и справедливым к врагам, каким считают его самые верные последователи? Несомненно, и обличения, и героизация мало что дадут для понимания сложной личности Фрейда; не помогут они и оценить воздействие его личности на структуру психоанализа. Та самая объективность, которую Фрейд считал необходимой предпосылкой при анализе пациентов, незаменима при попытке создать картину того, кем он был и что им двигало.

Наиболее заметными и, возможно, самыми мощными эмоциональными силами Фрейда были *его страсть к поиску истины и бескомпромиссная вера в разум*. Для него разум был единственной человеческой способностью, которая могла помочь разрешить проблему существования или по крайней мере облегчить страдания, неизбежные в человеческой жизни.

На взгляд Фрейда, только разум был тем инструментом – или оружием, – с помощью которого можно понять смысл жизни, избавиться от иллюзий (религиозные догмы Фрейд считал лишь одной из них), сделаться независимым от сковывающей власти авторитетов и тем самым стать хозяином себе. Эта вера в разум была основой его непреклонного поиска истины, стоило ему только обнаружить теоретическую закономерность в сложности и многообразии наблюдаемых феноменов. Даже если с точки зрения здравого смысла результаты казались абсурдными, это Фрейда не беспокоило. Напротив, насмешки толпы, чье мышление определялось стремлением к удобству и спокойному сну, только подчеркивали различие между убеждением и мнением, разумом и здравым смыслом, истиной и рационализацией.

В своей вере в силу разума Фрейд был сыном века просвещения. Его девизом – Sapere aude («Смей знать») – Фрейд руководствовался и в жизни, и в работе. Эта вера исходно порождалась освобождением европейского среднего класса от ограничений и предрассудков феодального общества. Спиноза и Кант, Руссо и Вольтер, как бы ни различалась их философия, разделяли эту страстную веру в разум; все они боролись за новый, истинно просвещенный, свободный и гуманный мир. В XIX веке это стремление продолжало существовать среди представителей среднего класса Западной и Центральной Европы, в особенности среди ученых, посвятивших себя прогрессу естественных наук. Еврейское происхождение Фрейда[1] только

[1] О том же говорит Элен Уокер Пьюнер в своей превосходной биографии Фрейда [8]. Ее книга – самая проникновенная биография Фрейда; во многих отношениях, особенно в том, что касается еврейского происхождения Фрейда и квазирелигиозного характера психоаналитического движения, мои заключения очень близки к высказанным ею. Исчерпывающий анализ связей Фрейда с еврейским окружением содержится в работе Эрнста Саймона «Зигмунд Фрейд, еврей» (Ежегодник II Инсти-

способствовало его приверженности духу просвещения. Сама еврейская традиция основывалась на разуме и интеллектуальной дисциплине; кроме того, подавляемое и презираемое меньшинство испытывало сильное эмоциональное стремление к поражению сил тьмы, иррациональности, суеверий, которые препятствовали его освобождению и прогрессу.

В дополнение к общей тенденции, свойственной европейской интеллигенции конца XIX века, в жизни Фрейда существовали особые обстоятельства, возможно, усилившие его стремление полагаться на разум, а не на общественное мнение.

В отличие от других западных держав Австро-Венгерская монархия при жизни Фрейда была разлагающимся трупом. Она не имела будущего, и разные части страны удерживались вместе исключительно силой инерции, несмотря на то что национальные меньшинства яростно стремились к независимости. Это состояние политического упадка и развала не могло не вызвать у интеллигентного подростка подозрений и не разбудить его ищущий ум. Противоречие между официальной идеологией и фактами политической реальности неизбежно должно было вызвать сомнения в словах, лозунгах, заявлениях властей и укрепить его критическое отношение к действительности. В случае Фрейда этому способствовало и еще од но обстоятельство. Его отец, преуспевающий мелкий предприниматель из Фрейберга (Богемия), потерял свое дело из-за общих перемен в экономике Австрии, которые разорили его и привели к обнищанию Фрейберга. Подростком на собственном горьком опыте Фрейд узнал, что экономической стабильности доверять следует так же мало, как и политической, что никакая традиция или общественное устройство не обеспечивает безопасности и не заслуживает доверия. К чему же все это могло привести необыкновенно одаренного мальчика, кроме как к выводу о том, что полагаться можно только на себя и на свой разум как на единственное надежное оружие?

Такими же были обстоятельства, в которых росли многие другие мальчики, однако они не стали Фрейдами; не возникло у них и страстной жажды истины. В личности Фрейда должны были присутствовать особые качества, которые отвечали за необыкновенную интенсивность этой жажды.

Что это были за качества?

Несомненно, в первую очередь следует подумать об интеллектуальной одаренности и жизненной силе, далеко превосходящих средний уровень, которые были присущи Фрейду от природы. Такой необыкновенный дар в сочетании с философией Просвещения и отказом от обычного доверия к словам и идеологиям – одного этого могло бы хватить для объяснения стремления Фрейда полагаться на разум. Могли наличествовать и чисто личные факторы: например, желание добиться успеха, что тоже предполагало опору на разум, поскольку никаких других преимуществ, будь то деньги, высокое социальное положение или физическая сила, в распоряжении Фрейда не имелось. Если присмотреться к еще более глубоким чертам характера Фрейда, которые, возможно, объясняли его страсть к истине, необходимо отметить некоторые отрицательные элементы: отсутствие эмоционального тепла, привязанностей, любви и наслаждения жизнью. Это может звучать как неожиданное утверждение применительно к человеку, который открыл «принцип удовольствия» и считался поборником сексуальных наслаждений, однако факты говорят о таких качествах Фрейда достаточно ясно, чтобы не осталось никаких сомнений. Позднее я приведу некоторые доказательства этих заключений; здесь достаточно сказать, что, учитывая дарования Фрейда, культурный климат, специфически европейские, австрийские и еврейские элементы его окружения, молодой человек с его жаждой славы и признания, лишенный радостей жизни, должен был искать приключений в сфере знания, если хотел осуществить желание всей своей жизни. Могли существовать и другие обстоятельства, объясняющие эту сторону личности Фрейда. Он был очень неуверенным в себе человеком,

---

тута Лео Бека, Л., 1957. С. 270ff). Я также признателен профессору Саймону за прочтение данной рукописи и ряд ценных критических замечаний.

легко пугался, чувствовал себя преследуемым, преданным; поэтому, как и следовало ожидать, он испытывал огромное стремление к надежности. Фрейду, учитывая его характер, любовь этого принести не могла; единственную надежную опору ему давало знание, и он должен был завоевать мир интеллектуально, если хотел избавиться от сомнений и чувства неполноценности.

Джонс, рассматривая страсть Фрейда к истине как «глубочайший и сильнейший мотив в его натуре, тот, который двигал его к пионерским открытиям», предлагает объяснение, соответствующее ортодоксальной психоаналитической теории. В соответствии с ней Джонс указывает, что стремление к знанию «вскормлено мощными мотивами, проистекающими из детского любопытства к первичным фактам жизни» [7; Vol. 2; 433] (рождению и тому, что к нему привело). На мой взгляд, в таком заключении допущена огорчительная путаница: между любопытством и верой в разум. Ранняя и сильная сексуальная любознательность может быть обнаружена у людей с выраженным личностным любопытством, однако представляется, что между этим фактором и страстной жаждой истины связь незначительна. Другой фактор, упоминаемый Джонсом, также не намного более убедителен. Сводный брат Фрейда Филип был шутником, и «Фрейд подозревал его в связи со своей матерью; он со слезами умолял его не сделать мать снова беременной. Можно ли верить в то, что такой человек, который, очевидно, знал все секреты, скажет правду? Судьба странно пошутила бы, если бы этот незначительный человечек – говорят, он кончил тем, что стал разносчиком, – одним фактом своего существования высек счастливую искру, зажегшую в будущем Фрейде решимость доверять только себе одному и подавлять стремление доверять другим больше, чем себе, и тем самым сделать имя Фрейда бессмертным» [7; Vol. 2; 434]. Действительно, странная шутка судьбы, если бы Джонс был прав. Но не является ли это чрезмерным упрощением – объяснять «искру», зажегшуюся во Фрейде, существованием недостойного сводного брата и его сомнительными шуточками?

Говоря о страсти Фрейда к истине и разуму, необходимо упомянуть (хотя это будет обсуждаться ниже, когда мы дойдем до более полного рассмотрения характера Фрейда), что для него разум ограничивался понятием «мысль». Чувства и эмоции per se были для него иррациональны и тем самым уступали мысли. Философы века Просвещения в целом разделяли это осуждение чувства и эмоции. Мысль была для них единственным способом достичь прогресса, а разум проявлялся лишь в мысли. В отличие от Спинозы, они не видели, что аффекты, как и мысль, могут быть и рациональными, и иррациональными и что полное развитие человека требует рациональной эволюции того и другого. Они не видели того, что если мысль и чувства разъединены, то и мышление, и чувства искажаются, и что представление о человеке, основанное на таком разъединении, оказывается искаженным тоже.

Эти рационалистические мыслители полагали, что если человек разумом понимает причины своего несчастья, то это интеллектуальное знание даст ему силы изменить обстоятельства, которые вызывают его страдание. Фрейд находился под сильным влиянием такого подхода, и понадобились годы, чтобы преодолеть ожидания того, что одного знания причин невротических симптомов хватит для того, чтобы их излечить.

Описание страсти Фрейда к истине сделало бы его портрет неполным, если бы не дополнялось указанием на одно из его самых необыкновенных качеств – его мужество. Многие люди потенциально обладают стремлением к истине, к правде. Трудным реализацию этого потенциала делает то, что она требует мужества, а мужество встречается редко. Мужество, о котором идет речь применительно к Фрейду, – это мужество особого типа. Доверие к разуму требует готовности рисковать тем, что окажешься в изоляции, в одиночестве, а такая угроза для многих страшнее, чем угроза для жизни. Однако поиски истины неизбежно подвергают того, кто ищет, именно опасности изоляции. Истине и разуму противостоят здравый смысл и общественное мнение. Большинство держится за удобные рационализации и за поверхностный взгляд на вещи. Функция разума – проникнуть глубже этой поверхности и добраться до сути, скрытой

за ней; объективно – то есть без оглядки на свои желания и страхи – показать силы, движущие материей и человеком. Такая попытка требует мужества, чтобы вынести изоляцию, а то и презрение и насмешки со стороны тех, кого истина тревожит и кто ненавидит нарушителя собственного спокойствия. Фрейд обладал такой способностью в высочайшей степени. Его огорчала изоляция, он страдал от нее, однако никогда не проявил даже малейшего желания пойти на компромисс, который облегчил бы его положение. Это мужество была предметом его величайшей гордости; он никогда не думал о себе как о гении, но ценил свое мужество как самое выдающееся качество своей личности. Такая гордость могла даже иногда оказывать негативное влияние на его теоретические формулировки. Он с подозрением относился к любому теоретическому положению, которое могло показаться примирительным и, как Маркс, находил определенное удовлетворение в том, чтобы говорить вещи, pour épater le bourgeois (шокирующие буржуа). Определить источники мужества нелегко. В какой степени это был врожденный дар Фрейда? В какой степени он – результат чувства своей исторической миссии, в какой степени – внутренняя сила, связанная с его положением несомненно любимого сына матери? Скорее всего все три источника внесли свой вклад в развитие необыкновенного мужества Фрейда, однако дальнейшее обсуждение этого, как и других черт личности Фрейда, следует отложить до тех пор, пока мы не придем к более глубокому пониманию его характера.

II
Отношения Фрейда с матерью; уверенность в себе и уязвимость

Понимание факторов (не считая конституциональных), которые определяют развитие характера любого человека, должно начинаться с изучения его отношений с матерью. Однако в случае Фрейда мы знаем об этом относительно мало. Впрочем, этот факт сам по себе знаменателен, потому что Фрейд в своих автобиографических трудах о матери почти не упоминал. Среди более чем тридцати собственных снов, которые он приводит в «Толковании сновидений», лишь два касаются его матери (усердный сновидец, Фрейд наверняка видел гораздо больше снов, в которых она фигурировала, но сообщать об этом не захотел). Те два, о которых идет речь в «Толковании сновидений», выражают глубокую привязанность. Ниже приводится «сон о трех судьбах».

«Я вошел в кухню в поисках пудинга. Там оказалось три женщины; одна из них была хозяйкой гостиницы и что-то мяла в руках, как будто лепила клецки. Она ответила мне, что нужно подождать, пока она будет готова (определенных слов при этом не произносилось). Я ощутил нетерпение и вышел, чувствуя себя обиженным. Я надел пальто. Однако первое, которое я померил, оказалось мне длинно. Я его снял, удивившись тому, что оно отделано мехом. Второе, которое я надел, имело длинную полосу вышивки в турецком стиле. Ко мне подошел незнакомец с длинным лицом и короткой торчащей бородой и стал мне мешать, говоря, что это его пальто. Тогда я ему показал, что оно все покрыто турецкой вышивкой. Он спросил: «Какое отношение турецкий узор имеет к вам?» Но потом мы разговаривали друг с другом вполне по-дружески» [4; 204].

В этом сновидении мы узнаем желание Фрейда быть накормленным матерью (то, что хозяйка, а может быть, и все три женщины представляли мать Фрейда, становится ясно из ассоциаций, которые у Фрейда возникли в связи со сновидением). Специфическим элементом сна является нетерпение сновидца. Когда ему было сказано, что нужно подождать, «он вышел, чувствуя себя обиженным». Что же он делает после этого? Он надевает отделанное мехом пальто, которое ему слишком длинно, потом другое, принадлежащее кому-то еще. Мы видим в этом сновидении типичную реакцию мальчика – любимца матери; он настаивает на том, чтобы мать его накормила («кормление» следует понимать символически: как заботу, любовь, защиту, обожание). Он нетерпелив и обижен, если его не «кормят» немедленно, поскольку чувствует, что имеет право на немедленное и полное внимание. В гневе он выходит и принимает на себя роль большого мужчины-отца (что символизирует слишком длинное пальто, принадлежащее кому-то другому).

Другое сновидение, касающееся матери, относится к детству Фрейда, когда ему было семь-восемь лет; он его все еще помнил и подверг толкованию тридцатью годами позже. «Я видел мою любимую мамочку с особенно мирным, сонным выражением лица. Ее внесли в комнату два или три человека с птичьими клювами и положили на постель» [4; 583]. Фрейд помнил, что проснулся в слезах, с криком, – это понятно, если учесть, что ему снилась смерть его матери. Тот факт, что он так живо помнил этот сон после тридцати с лишним лет, показывает его значение. Рассматривая оба сна вместе, мы видим мальчика, ожидающего, что мать исполнит все его желания, и глубоко испуганного мыслью о том, что она может умереть. Впрочем, то обстоятельство, что Фрейд сообщает только о двух сновидениях, если рассматривать его с психоаналитических позиций, возможно, доказывает предположение Эрнеста Джонса, «что в самые ранние годы Фрейд имел чрезвычайно сильную мотивацию скрыть некую важную фазу своего развития – возможно, даже от самого себя. Я рискнул бы предположить, что это

была его глубокая любовь к матери» [7; Vol. 2; 409]. Другие факты, которые нам известны, указывают в том же направлении. Может быть, то, что Фрейд испытывал сильную ревность к своему брату Джулиусу, родившемуся, когда самому Фрейду было одиннадцать месяцев, и что он никогда не любил сестру Анну, которая была на два с половиной года его младше, и не дает особых подтверждений этой гипотезе, но существуют другие, более специфичные и более яркие факты. В первую очередь это его положение любимого сына, которое было подчеркнуто очень драматично событием, случившимся, когда сестре Фрейда было восемь лет. Их мать, «которая была очень музыкальна, заставляла девочку практиковаться на фортепьяно, но хотя это было на некотором расстоянии от «кабинета», звуки так беспокоили юного Фрейда, что он настоял на том, чтобы с фортепьяно расстались; так оно и произошло. В результате никто в семье не получил музыкального образования, как впоследствии и дети самого Фрейда» [7; Vol. 1; 17]. Нетрудно представить себе, какое положение занимал десятилетний Фрейд в глазах матери, если он мог помешать музыкальному образованию членов семьи потому, что ему не нравился «шум» музыки.[2]

Глубокая привязанность к матери нашла выражение в позднейшей жизни Фрейда. Он, который, помимо партнеров по игре в тарок и коллег, мало на кого тратил свое свободное время (включая собственную жену), каждое воскресное утро посещал свою мать и до старости приглашал ее каждое воскресенье к обеду.

[2] Это характерный пример идеализирующего и неаналитического отношения Джонса к фактам биографии Фрейда: описанный инцидент он называет «иллюстрацией почтения, с которым в семье относились к Фрейду и его занятиям». Таков, конечно, способ объяснения, основанный на здравом смысле, а не на аналитическом, динамическом подходе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.